

01.03.2025

Последний шанс на гладкий переход

Михаил Горбачёв и не начавшиеся экономические реформы

№2 2025 Март/Апрель

DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-2-170-188

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ

Кандидат экономических наук, ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики (ДМЭ) факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Григорьев Л.М. Последний шанс на гладкий переход // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 170–188.

Обсуждать период, предшествовавший реформам 1990-х гг., деятельность лидеров и участников процессов нужно «по былинам того времени», а не по воспоминаниям и позднейшим подгонкам под заданный или даже известный результат. Это не исключает современную оценку событий прошлого. Но начинать следовало бы с публикации базовых документов: статистики социально-экономических процессов, программ и идей.

И хорошо бы понимать, с базы какого образования и какой информации действует каждый носитель воспоминаний. В идеале должен образоваться «блокчейн» – связанная картина эпохи, ну или как минимум достоверная картина места действия. Предложим свой обзор за 1980–1991 годы.

Ожидание явления Горбачёва («реформатора») – начало 1980-х годов

С начала 1980-х гг. в стране накапливались и проблемы развития, и общая усталость от военного конфликта в Афганистане. Но интересных идей и предложений, как повысить эффективность хозяйства, не появлялось. Рыночный социализм не упоминался со времени короткой дискуссии о нём в середине 1960-х годов. Не было ни ожидания реформ, ни явной потребности в них, ни ясности об их возможных методах и целях. Эпоха Брежнева уходила неохотно. Череда сменяющихся генсеков выглядела безрадостно во всех отношениях. Ожидание перемен, если где-то и было, в «широкие академические массы» не проникало. Тем больший энтузиазм вызвало в марте 1985 г. появление на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачёва, представителя другого поколения, дававшего надежду на изменения.

Анализ той эпохи нуждается в прояснении – с какой именно позиции автор наблюдал события. С 1980 г. мне досталась интересная роль заведующего Сектором мировой экономической конъюнктуры Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Эта позиция давала доступ к информации со всего мира и необходимость ежеквартально писать обзор мировой конъюнктуры для дирекции: семь страниц общей ситуации и прогноза плюс 18 таблиц курсов валют, цен на металлы, нефть, динамики торговли и прочее. Теперь это делают студенты, а тогда нужна была и методология, и информация – тут нам поставили за стенку аппарат «Рейтера», который молотил новости безостановочно. До этого я много лет работал в ИМЭМО в секторе Револьта Михайловича Энтова, и в 1979 г. провёл полгода на стажировке в *Wharton Econometric Forecasting Association* в Филадельфии (США) у профессора Лоуренса Кляйна (Нобелевская премия 1980 г. по прогнозированию). Так что на 1980-е гг. я оказался одним из немногих информационно обеспеченных экономистов, не говоря о книгах и академических контактах ИМЭМО. Классическому марксизму меня до этого учили восемь лет в МГУ на кафедре политэкономии (у Николая Цаголова). В то время знать больше можно было только при полном западном образовании.

Квартальные обзоры (по существу открытые) отправлялись из дирекции института в ЦК КПСС – так и не знаю, куда именно, но цель была очевидна: партийное начальство хотело проверить данные, которые получало из министерств. Характер использования материалов мне не известен, но за надёжность данных ручаюсь, хотя работать было очень непросто. Но большую часть этих материалов мы публиковали в журнале «МЭиМО» для всех читающих. Так что публикация моей собственной книги отложилась до 1988 года^[1]. В плане наблюдения советской экономики я был «как все»: жил в ней. А вот про рыночную экономику, деловые циклы и то, что касалось экономики и общества развитого

рынка, особенно США, я узнал за 25 лет учёбы, науки и работы довольно много. Кстати, знания в области корпоративных финансов, банкротств, слияния (т.н. «централизация капитала») оказались в дальнейшем хорошим материалом для понимания приватизации[2].

С начала 1980-х гг. мир быстро менялся под влиянием обострения холодной войны (конфликт в Афганистане), а также процессов, запущенных кризисом 1973–1975 гг. и взлётом цен на нефть. Но непосредственные последствия острого кризиса в мире постепенно преодолевались.

Высокие цены на нефть дали некоторый стимул экономике СССР, однако темпы роста постепенно снижались, а научно-технический прогресс оставался замкнутым в основном в сфере космоса и обороны.

Экономисты обсуждали способы ускорения роста, инвестиции, планы и пятилетки. Позднее упоминались работы «старших чинами» коллег по возможным преобразованиям. Наверное, их видел Евгений Ясин до совместной работы с начала 1990 г., но к нам – экономистам — «земцам» ничего конкретного не протекало.

Ещё одна оттепель перед разломом: 1985–1989 годы

Из всех проблем страны новый генеральный секретарь выбрал несколько важных, которые он, по всей видимости, считал решаемыми, и взялся за них. В частности, на повестке дня оказался вывод войск из Афганистана. Мы не будем комментировать вопросы внешней политики и международных отношений – это обговорено профессионалами уже много раз. Застой в общественных делах сменился оживлением – перестройкой и гласностью. Последняя принесла много радости интеллигенции и широким массам благодаря большей свободе печати и выражения в искусстве.

Но экономика оставалась в основе прежней: Госплан – Госснаб – Госкомцен – Госкомтруд. Вместе с отраслевыми министерствами они принимали решения, которые при наличии частной собственности относятся к компетенции крупных корпораций. Добавим роль региональных властей, перераспределение доходов в пользу слабых и контроль

партийных органов за социально-политической устойчивостью.

Экономические эксперименты с 1960-х гг. относились к сфере управления предприятиями, это смягчало жёсткость плана, выявляло резервы, но принципиально не меняло систему собственности и ответственности. Собственник рискует банкротством, менеджер – увольнением (и выговором по партийной линии). К сожалению, ослабление жёсткости планового контроля над управленцами не гарантирует принятия ими в среднесрочном плане эффективных решений по части инвестиций, вложений в НИОКР, регионального размещения активов и т.п. Так что эксперименты предшествующих лет по части рынка, именуемого «свобода предприятий», включая использование скрытых мощностей, найма и увольнения избыточной рабочей силы (эффективность), перераспределение кредитных ресурсов, к 1985 г. уже создавали некоторые затруднения. Новый генеральный секретарь получил в наследство проблемы, но не методы их решений.

Атмосфера гласности не имела существенного продолжения в переустройстве методов хозяйствования помимо усилий самих центральных ведомств и некоторого расширения свободы рук менеджеров. Приложения теории пучков собственности практически не менялись: а суть дела была не в менеджменте, а отсутствии «хозяина», заинтересованного в длинном горизонте существования доходного предприятия. Сейчас трудно понять, как «наверху» оценивали в то время структурные альтернативы, но с позиций теории и опыта трудно было надеяться на что-то более эффективное.

Непосредственно перед приходом Горбачёва имела место попытка широкомасштабного эксперимента, который шёл из недр Совмина, Госплана и Академии. Предлагаю взгляд из Госплана СССР Леонида Гребнева из Госплана СССР: «Непосредственно эксперимент начался с 1 января 1984 г. во исполнение Постановления ЦК КПСС, Совмина СССР от 14.07.1983 г. № 659 “О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы” (далее – Постановление № 659). Но подготовительная работа началась годом раньше после доклада Генерального секретаря КПСС Юрия Андропова на ноябрьском (1982 г.) пленуме ЦК КПСС, в котором говорилось, что пора от слов о расширении самостоятельности предприятий переходить к делу, провести для этого крупномасштабные экономические эксперименты... Сам эксперимент на эту тему проходил уже после смерти его инициатора, генсека Юрия Андропова. Он пришёлся на год, когда его сменил на этом посту столь же больной и возрастной Константин Черненко, а итоги довелось

подводить уже “при Горбачёве”. Всё это предопределило некоторую смазанность и проведения “эксперимента” и тем более анализа его результатов»[3].

После назначения Михаила Горбачёва самое нервное явление в экономике весной 1985 г. – антиалкогольная кампания[4]. Импульсивные решения оказали отчасти позитивное (во всяком случае, интересное) воздействие на социальную жизнь и демографию. Но экономические последствия просчитаны не были, хотя имелся опыт сухого закона в Соединённых Штатах. Тогда государство на целое десятилетие отдало мафии свои налоги (примерно миллиард долларов в год), пить же продолжали примерно столько же (особенно ветераны войны и новые иммигранты)[5]. Потери советского бюджета тоже были велики, разбалансировка розничного рынка подстегнула инфляцию. Сдвиги потребления к вину и пиву и общее повышение культуры потребления алкоголя в новых поколениях толком не рассматривались, самогон стал править бал. Кампания нанесла очень тяжёлый удар по винодельческой отрасли (особенно по экономике Грузии) задолго до распада СССР[6].

На фоне яркой гласности и частичных экономических экспериментов в целом 1987–1989 гг. были странно инерционными. Замедление плановой экономики, по существу, продолжалось, она функционировала со всё более явственным скрипом. При скрытой инфляции за элементарными товарами выстраивались очереди (скажем, рост вынужденных сбережений при отсутствии возможности эффективно их потратить). Итогом упомянутого выше эксперимента стали законы 1987 г. «О предприятии» и «О кооперации», они давали новые возможности для создания кооперативов при предприятиях. В терминах теории собственности это оказались изменения в пользу менеджмента без реформы корпоративного контроля. С начала 1988 г. появляются госбанки, которые, по существу, служат прообразами того, что при частной системе называется банками развития: Промстройбанк, Агробанк, Жилсоцбанк. Проводятся управленческие реформы без изменения формы собственности, чтобы предприятия могли принимать решения и получать финансирование (прямое и банковское). Но эти законы открыли двери для начала формирования личных состояний, особенно директорами многих предприятий. Характер плановой системы, в частности ценообразование и снабжение, не менялся. С точки зрения Госплана это усугубляло дисбалансы, особенно на потребительском рынке.

Для реформы «к рынку» в широком смысле слова перечисленные шаги были довольно

запоздалыми и ограниченными. Это не решало проблемы трансформации хозяйства.

Афганская война уже завершилась, но бюджетные проблемы СССР сохранялись. Централизованному бюджету приходилось выкручиваться, будучи зажатым между социальными нуждами производителей товаров, перераспределением ресурсов между республиками (хоть далеко не полным) в огромной разнородной стране и большими военными расходами. Последние составляли ненормально высокую долю ВВП, что было скрыто за счёт системы ценообразования – завышения цен на потребительские товары и занижения на товары производственного назначения, в частности сырьевые. Пересчёт по нормальной себестоимости давал по оценкам норму примерно в 50 процентов (при разумных 25–30 процентах). Странно, но идея постепенного выравнивания цен, чтобы производители имели действенные стимулы, а республики могли ориентироваться на свои доходы при рыночном ценообразовании, не утвердилась среди реформаторов и политиков. Позднее это усугубило ценовой шок и стало одной из причин инфляции. А повышение доходов производителей сырья и энергии после неизбежной либерализации цен вызвало потери ряда отраслей и регионов в новой ценовой картине.

В XXI веке мировые качели цен на энергию стали частым явлением – к ним не привыкли, но хоть понимают их природу. В 1980-е гг. эта социальная мина, которая потом вызвала политические последствия и бесконечные обвинения в использовании энергетики для «неэнергетических целей», ещё только накапливала силу будущего взрыва.

В итоге кризис в экономике затянулся. С 1987 г. требовались шаги по либерализации хозяйственной деятельности, расширению свободы предпринимательства, постепенной приватизации малого бизнеса, высвобождению ценообразования. Но это мы теперь понимаем, что сохранение частного фермерства и розничной торговли в социалистической Польше дали огромный выигрыш при адаптации к рынку в 1990-е годы. Эти важные различия в структуре собственности (и памяти о рынке) стран Восточной Европы породили мифы – рыночное поведение стали приписывать национальному характеру, религии и тому подобным факторам культурных кодов.

Падение мировых цен на нефть после 1985 г., конечно, имело значение, но не вполне то, которое приходит в голову теперь, с учётом роли нефтяных доходов после взлёта цен с 2003–2005 годов. Дело в том, что экспорт нефти и газа на Запад был не столь велик количественно. А поставки

энергоносителей в страны Совета экономической взаимопомощи, другие социалистические страны и в советские республики (забегая вперёд) шли по низким ценам «соцрынка». Тогда это было естественно, но тем жёстче жизнь повернулась к импортёрам, когда после распада СЭВ и СССР им пришлось покупать нефть по фактическим ценам мирового рынка.

Вот тут стоит упомянуть понятный психологически, но обычно завышенный эффект преувеличения вклада республик в общее благосостояние. По правде сказать, сам автор был замкнут в текущую работу настолько, что не особо оглядывался на политику. Но при поездках по стране (особенно в западные регионы) замечал, что идея нехватки чего бы то ни было соседствовала с намёками, что где-то потребляют то, что «мы производим». Потом этот мотив, особенно у новых элит, сыграл негативную роль в трансформации. Освобождение от Госплана (от «Москвы») наивно воспринималось – и обещалось – как простой быстрый шаг к потребительскому изобилию.

Во время работы над «500 днями» летом 1990 г. были сделаны расчёты внутренней торговли между республиками по мировым ценам. У меня их так и нет, хотя позже я просил их у разработчиков для истории. Но общий вывод был настолько прост, что забыть его нельзя: при расчёте по «условным мировым ценам» на 1989 г. положительное торговое сальдо внутри СССР было у двух союзных республик – РСФСР и Азербайджана, откуда тогда поступала не столько нефть, сколько вино. Наверное, эти расчёты несложно повторить – вопрос только, как цены прописывать. Заметим, что современная нам «новая» азербайджанская нефть была разработана позже^[7].

В 1987 г. началось постепенное переключение моего профессионального фокуса с мирового хозяйства ещё и на экономику родной страны. Я по-прежнему работал в ИМЭМО, и, как все, большую часть сбережений «оставил» в Сбербанке во время гиперинфляции. Это биографическое воспоминание здесь необходимо, поскольку вся страна начала думать о своих проблемах, острее их ощущать – из «башни» пора было вылезать. Весной позвонил Абел Гезевич Аганбегян и предложил написать статью в № 11 журнала «ЭКО», юбилейный к 70-летию Октябрьской революции. Номер оказался довольно грустным: сам Абел Гезевич написал статью о замедлении роста в стране, ещё был материал о проблемах внутри СЭВ. Мне достался мировой рынок, где продолжался «кризис империализма». Но к этому времени, хотя там ещё сохранялись проблемы с инфляцией, основные шоки от кризиса 1973–1975 гг. в мире уже преодолевались: безработица была высокой, но терпимой, темпы роста в развитых странах подросли (кроме Японии).

Всё это я продемонстрировал в виде большого обзора и соответствующих таблиц, прибавив одно соображение в стиле незабвенного Левши (извините за длинную цитату): «С конца 70-х годов структурная перестройка экономики Запада шла весьма интенсивно даже в условиях кризиса. Она охватила не только промышленность, где быстро развивались микроэлектроника, биотехнология, производство новых конструкционных материалов, но и сферу услуг. Создание новых систем связи и информации, банков данных, внедрение микрокомпьютеров в быт, образование, медицину, сферу развлечений повышают роль сферы услуг. Уже сейчас насчитываются миллионы рабочих мест, оборудованных микрокомпьютерами. Особенно это относится к торговле и сфере финансов. Закупки оборудования для банков и других кредитных институтов в США в 1985 г. превысили четверть всех вложений в обрабатывающую промышленность.

В тяжёлое положение попали в 1970-е гг. базисные отрасли промышленности, но теперь и они модернизируются на основе микрокомпьютерной техники и новых технологий. Изменяется роль сферы НИОКР, где внедряется автоматическое проектирование, огромные средства расходуются на разработку высокоэффективной техники и технологий. Уровень расходов на НИОКР в ведущих странах капитализма достиг 2–2,5 процентов ВВП. Новые сложные товары длительного пользования (персональные компьютеры, видеомагнитофоны и т.п.) увеличивают спрос на соответствующие услуги (например, программы), на подключение к информационным сетям (образование, развлечения, наука “на дому”). Рост наукоёмких отраслей промышленности и сферы услуг, где капиталоемкость продукции относительно низка, дал импульс развитию мелкого и среднего бизнеса, который гибче приспосабливается к требованиям рынка. Радикальные изменения производственного и информационного базиса общества набирают скорость, опоздавший рискует оказаться отброшенным в своеобразное современное “средневековье”»[8].

В соответствии с моими тогдашними представлениями (в этом, кстати, заключалась и роль ИМЭМО АН), я, собственно, предупреждал, что надо переходить к более интенсивной работе по научно-техническому прогрессу, что потребовало бы много раздумий и решений. Системных подходов к самому устройству общества ещё не было видно.

Что характерно для того времени и 1990-х гг., чем меньше деятели знали о внутреннем устройстве рыночной экономики: акционерных

обществах, пучках собственности, транзакционных издержках, бюджетных дефицитах и роли малого бизнеса, тем меньше они спрашивали тех, кто что-то понимал. Так и теперь...

1987-й был, видимо, последним годом для старта мягких реформ. Но это потребовало бы изменения роли партии, способа центрального управления, создания условий для долгосрочной глобальной гонки с постепенным смещением к гибриднему обществу с частным предпринимательством в промышленности и в малом бизнесе в широком плане, серьёзной долгосрочной промышленной политике.

Обострение кризиса в СССР – больше раздумий

Экономический кризис в стране обострился в 1989–1990 годах. Егор Гайдар писал об этом в журнале «Коммунист». Тут о внутренней экономике появился смысл написать и нам в «МЭиМО», опираясь на публикуемую общую экономическую статистику, то есть без какой-либо правительственной информации. Начались процессы и вокруг страны: «1989 и 1990 гг. внесли коренной перелом в развитие Европы и всего мира. Подъём демократии и приход к власти свободно избранных правительств в Восточной Европе, глубокие политические реформы в СССР, завершение послевоенного периода развития, символизируемое объединением Германии, – всё это определило невиданный темп политических и социальных процессов, за которыми не поспевали преобразования в сфере хозяйства. Продолжающийся экономический подъём в странах с развитой рыночной экономикой и даже экономическая интеграция в Западной Европе оказались оттеснёнными на задний план радикальными экономическими реформами в Восточной Европе.

Бурное развитие событий на Востоке европейского континента в 1989 г. практически решило давний теоретический спор о существовании нескольких мировых хозяйств, функционирующих якобы на разной основе» (опубликовано в августе 1990 г.)^[9]. В этот момент наработки планов реформ вышли из тени кабинетов на обозрение публики. В августе автора жизнь втянула (распоряжение Горбачёва) в программу реформ, получившую легко запоминающееся название «500 дней».

СССР становился частью мировой рыночной экономики, но входил в рецессию, быстро утрачивая стабильность государственной экономики и не приобретая параметров

рыночной^[10]. Всё зависело от внутренних экономических реформ и координации между центром и республиками. 12 сентября 1991 г., находясь в короткой (40-дневной) командировке в США, я опубликовал статью в *The New York Times* (на фоне событий в Москве). Это отражало интерес американцев к событиям в Советском Союзе при отсутствии других источников информации от нас под руками. Названием *“Soviets Need a Unified Free Economy”* («Советам нужна свободная единая экономика») – я, собственно, хотел сказать, что издержки трансформации могут быть очень большими при некоординированных усилиях.

Позволим себе ещё одну длинную цитату, чтобы показать, до какой степени можно было осмыслить происходящее буквально за несколько недель до старта реформ: «Год назад, когда я участвовал в группе, готовившей план быстрых экономических реформ за пятьсот дней, мы рассчитывали, что продолжит существовать центральное правительство, которое осуществит преобразования советских институтов, а также в таких сферах, как налогообложение и права на частную собственность. Такого правительства больше нет, и вызов для республик заключается в том, как вместе двигаться в направлении реформ»^[11]. Я ожидал, конечно, большей кооперации республик в реформах, чего не произошло. Но статья, вероятно, избавила меня впоследствии от любых предложений поучаствовать «в распаде». Заключительный абзац той статьи указывает как на реалии социально-экономической ситуации, так и на явную переоценку здравого смысла участников реформ и политических элит: «Ни один из лидеров до сих пор не набрался мужества сказать народам Советского Союза очевидное: переход к рыночной экономике будет чрезвычайно тяжёлым. Жизненного уровня Запада невозможно добиться быстро. Создание среднего класса, который стабилизирует социальную и политическую жизнь, займёт время. После продолжительного опыта централизованной контролируемой экономики нет альтернативы тяжёлому труду, скромности и терпению».

Хронологически период гласности и перестройки в СССР, видимо, охватывает 1985–1991 гг. – время руководства страной Горбачёвым, также заключительная фаза существования Советского Союза – скрытый и явный кризисы, и внезапный для большинства наблюдателей (и автора) финал в Беловежской пуще. Уже осенью 1991 г. автор полагал, что надо быть со страной и помочь процессам трансформации, и стал – вопреки всей своей биографии и логике учёного – заместителем министра экономики РСФСР (до распада СССР, которого не ожидал). Содержательная деятельность правительства Ельцина – Бурбулиса – Гайдара осенью 1991 г., суть трансформационных реформ и события в последующие годы выходят за рамки данного опуса.

Немного о программах перехода до начала их реализации

В период бурных исторических трансформаций действия политиков носят холерический характер. Они прыгают в «окна возможностей», не проверяя, сколько этажей до предполагаемого приземления. Учёный ещё может признать свою неготовность к «крутым» решениям и уйти от исторической ответственности, пытаясь поддержать коллег при разработке трудных, сложных и долгосрочных планов действия, выявлении развилки, расчёте издержек и рисков. Политик в это время действует. Так что всякую разработку программ трансформации стоит, полагая, воспринимать как своего рода прикидку выполнимости первых радикальных шагов в стиле «ввязаться в битву, а там посмотрим». Но что хорошо при скоростях пеших и конных дивизий Суворова и Бонапарта, плохо при телеграммах, становящихся законами по получению их адресатами. Трансформация общественных институтов в экономике (прав собственности), социальной сфере (структуре) и политике (гражданском обществе) обладает некоторыми очень неудобными свойствами:

- внезапно принятые импульсивные решения в сфере институтов быстро приобретают своих бенефициаров и закрепляются (включая те, которые задуманы как временные);
- попытки их коррекции немедленно наталкиваются на серьёзное сопротивление бенефициаров и большие транзакционные издержки (см. дискуссию вокруг теоремы Нобелевского лауреата Рональда Коуза);
- проводимые параллельно реформы и законы трудно стыковать на ходу, они часто вводятся с разной скоростью и могут мешать друг другу – хорошо бы просчитывать это заранее;
- сдвиги в экономике, социальной структуре и политике желательно проводить, поддерживая их конгруэнтность с тем, например, чтобы массовый прогресс духа не подрывался массовой же нищетой карманов;
- запрос политиков на быстрые, недорогие и очень удачные («эффективные») реформы удовлетворить крайне трудно, но всегда найдётся «отважный», который их пообещает, но с которого потом не спросишь;
- победитель получает всё, и сам себе пишет правдивую историю.

История реформ – это обычно история поиска простых решений, которые могли бы снять какие-то острые проблемы, хотя их последствия не всегда даже просчитываются. Можно создать библиотеку таких решений с негативными результатами, но обычно последствия выходят

за период времени, в который решается конкретный вопрос. Программы, которые разрабатываются заранее, имеют недостатки, главным образом недоказуемость положений и утверждений наперёд, а у критиков есть больше свободного времени для сомнений. История наших программ невелика и содержит несколько странных зигзагов.

Но в целом действия политиков-реформаторов находились под давлением быстро развивающегося кризиса.

Полностью историю следовало бы писать, начиная с публикации архива статистики и документов, речей, программ и законов, но до этого ещё далеко.

Мы остановимся лишь на нескольких важных документах и ситуациях. Прежде всего, условный «заказчик» никогда не писал техзадание на реформы: период, готовность принять решения, ожидаемый результат. Попытки советского правительства маневрировать в 1989–1991 гг., продолжать бизнес как обычно, составлять планы или использовать некие реформаторские тексты как общее введение к традиционным планам, успеха не имели, а возможно, усугубляли ситуацию. Особенно важная потеря – 1990–1991 год. Снижение ВВП в 1990 г. составляло 2 процента, а в 1991 г. – ещё 16 процентов. Начинать реформы в условиях кризиса в минус 18 процентов ВВП – это на лету менять крылья у самолёта, идущего в пике.

Таблица 1

Основные показатели экономического и социального развития СССР (%)

	Среднегодовые темпы прироста			Темпы прироста				
	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Валовой национальный продукт	4,2	3,6	3,1	3,3	2,9	5,5	3,0	-2,0
Произведённый национальный доход	4,4	3,2	1,7	2,3	1,6	4,4	2,4	-4,0
Продукция промышленности	4,4	3,6	2,5	4,4	3,8	3,9	1,7	-1,2
Группа А	4,7	3,6	1,9	5,0	3,7	3,4	0,6	-3,2
Группа Б	3,9	3,7	4,3	2,6	4,1	5,4	4,9	4,4
Продукция сельского хозяйства	1,5	1,0	1,0	5,3	-0,6	1,7	0,8	-2,3
Производительность труда	3,2	2,7	1,5	2,1	1,6	4,8	2,3	-3,0
Прибыль по народному хозяйству ¹	4,4	6,1	8,6	14,0	4,2	14,9	11,7	-1,0
Капитальные вложения	3,4	3,7	4,1	8,4	5,6	6,2	4,7	-4,0
Ввод в действие основных фондов	4,6	3,1	1,9	5,9	6,8	-1,4	2,5	-4,0
Ввод жилых домов (кв. м)	0,4	1,5	0,4	6,0	9,8	0,7	-2,6	-11,0
Среднемесячная денежная зарплата рабочих и служащих	3,0	2,4	7,0	2,9	3,7	7,0	9,1	12,3
Среднемесячная оплата труда колхозников	5,2	5,3	5,9	6,2	2,5	5,0	7,0	8,4
Выплаты и льготы населению из общественных фондов	5,4	4,7	6,9	5,4	4,8	7,5	6,6	10,4
Численность рабочих и служащих	1,9	0,9	-0,5	0,6	0,1	-1,1	-1,5	-0,7
Фонд заработной платы в народном хозяйстве	5,1	3,4	6,9	3,3	3,0	6,0	9,0	13,5
Розничный товарооборот ¹	4,4	3,7	7,6	2,4	2,8	7,3	10,4	15,7
Платные услуги	-	-	9,4	10,2	8,1	15,3	8,2	5,2
Прирост сбережений в Сбербанке, млрд руб.	11,4	12,9	32,1	22,0	24,1	30,6	41,0	42,9
Прирост денег в обращении	-	6,2	15,0	6,0	8,1	11,9	18,8	26,7

¹ В фактических ценах.

Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1989 г. // Известия. 23.01.1988; 21.01.1989; 28.01.1990; Экономика и жизнь. 1991. № 5. С. 9–10.

Источник: Григорьев Л., Корчагина О., Иванова О. Экономика СССР: новая фаза кризиса // Тенденции мирового экономического развития. Приложение к «МЭиМО». Август 1991. С. 137–144.

Пример Китая состоял не в наборе действий правительства и Госплана, а в повороте партийной политики от консерватизма идеологии к прагматизму действий ради благосостояния. В нашем случае некоторые эксперименты начались в последний момент в ограниченном масштабе. Внимание концентрировалось на текущих проблемах и управлении, а также сложностях взаимоотношений центра и республик.

Руководство страны не смогло стать лидером трансформации.

В ходе обострявшегося кризиса «Комиссия Л.И. Абалкина» (созданная в 1989 г.) не смогла даже составить единый подход к выработке программы. Работали две команды. Её условно «шаталинское» крыло, точнее команда Явлинского – Ясина, работала на базе материалов, разработанных весной 1990 г. и обсуждённых на семинарах в Австрии/ Венгрии. Документ «400 дней доверия» Явлинского и соавторов давал достаточную опору для формирования программы: быстро, но шагами; малая приватизация вперёд и переговоры с республиками о рыночных реформах. Во время написания «500 дней» и Егор Гайдар, и Анатолий Чубайс приезжали на несколько часов в Архангельское, как и председатель правительства Николай Рыжков. Документ был одобрен (11 сентября 1990 г. программа Шаталина – Явлинского была принята парламентом РСФСР), но не реализован (у автора есть анализ этой программы)[12]. А к апрелю 1991 г. ситуация в экономике продолжала ухудшаться[13]. Таблица 1 показывает радикальные дисбалансы ещё в 1990 году. Попытка частичных реформ, предпринятая премьер-министром Валентином Павловым[14], видимо, уже безнадежно опоздала.

В апреле 1993 г. Евгений Ясин с коллективом сильных авторов опубликовал брошюру (у меня английский вариант) по «500 дням реформ Гайдара» и дал интервью, из которых видны драматические сложности экономической жизни и реформ именно с августа 1991 г. по весну 1993 года[15].

Различия между «500 днями» и реалиями трансформации были разительны в нескольких пунктах: роспуск СССР без чётких обязательств и правил рыночного взаимодействия; упущенное время и более глубокий кризис; быстрая массовая ваучерная приватизация. Критики «500 дней» обычно ставили в упрёк этому плану излишнюю наивность по части скорости. Фактические реформы шли ещё быстрее и в намного худших условиях: более глубокий кризис, распад хозяйственных связей и конфликт между президентом и законодателями, который дошёл до взрыва осенью 1993 года.

Хотя это было после рассматриваемого здесь периода в 1985–1991 гг., реалии важны, поскольку выявляют подлинное содержание программ. В 1990 г. основные идеи только разрабатывались, в частности расставание с социализмом впервые появилось в «500 днях». Это был принципиальный момент для многих, но не эта программа предопределила характер нового общества. В зависимости от типа приватизации, системы правовых институтов хозяйства, включённости общества и формировавшейся системы социального неравенства возможны были разные варианты рыночного хозяйства.

Тут стоит отметить одну объективно существующую лакуну. В обширном наследии Егора Гайдара так и не сказано, каким

он хотел бы видеть российское общество в его важнейших параметрах, так сказать, мечту: собственность, социальное равенство, отношения национальностей, культурные коды. Похоже, он не хотел брать на себя ни явное одобрение сложившегося капитализма, ни выражать сожаление о его несоответствии мечте. Время на эту работу после ухода из правительства у него, конечно, было (семнадцать лет). Это существенно затрудняет восстановление интеллектуального процесса, оставляет без ответа вопрос о возможных вариантах и развилках трансформации.

В августе 1992 г. стало ясно, что события развиваются по «ваучерному варианту». У меня были статьи «за приватизацию», но я был категорически против «тотального ваучера», о чём много написано мной позже. В тот момент мои академические убеждения веса не имели (хотя уверен, что был прав), и я не имел «железных» доказательств. Я пришёл к Егору Тимуровичу с меморандумом, который он прочёл (и многие тогда в Москве). Сам разговор оставим для мемуаров, а вот меморандум я опубликовал только в декабре 2010 г. в первом томе «Экономики переходных процессов»^[16]. Гайдар отпустил меня из правительства в ноябре 1992 г. (а в декабре вдруг правительство было отправлено в отставку).

Для завершения данной работы остаётся вспомнить несколько конкретных малоизвестных деталей. Программу «500 дней» так часто критиковали, что негативные элементы (у кого – что) трансформации оппоненты до сих пор иногда пытаются списать на неё, хотя ни буквой, ни людьми они не совпадали.

Ну и, наконец, вспомним начисто потерянный визит команды «500» к Михаилу Сергеевичу Горбачёву на Старую площадь в августе (кажется, в 20-х числах) 1990 года. Привезли нас с утра на целый день. Мы очень волновались: пить чай с президентом страны и рассказывать про свои наработки – это событие! В общем, всё шло неплохо, несколько слушателей вместе с М.С. на протяжении часов пяти-шести (до и после перерыва) стремились понять аргументы, они были благожелательно настроены в том, что касалось позитивных ожиданий результатов реформ. Мне ближе к концу досталась невесёлая роль сказать, что для всего хорошего в будущем понадобится приватизация. Далее ничего не помню – наверное, это было завершение встречи.

По правде сказать, лично я не потерял оптимизма даже тогда. Но больше нас не позвали, раскрыть развилки и риски не потребовали, создать что-то прикладное, а не только программное не предложили, подсчитывать ресурсы и привлекать ещё сотни людей (к дюжине авторов) не стали. Объективно, наверное, это был последний шанс Горбачёва возглавить реформы и перейти от перестройки в обществе к

фундаментальным переменам в жизни огромной страны и её людей, заслуживших лучшее будущее, чем то, что досталось им в следующие десятилетия.

От той встречи на Старой площади до ГКЧП оставался ещё год, который был потерян. Будущие деловые люди активно использовали некоторые уже появившиеся возможности предпринимательства. Да и программу «500 дней» грядущие бенефициары, похоже, взялись изучать не для проведения реформ, а для того, чтобы найти своё место и обеспечить свою выгоду при возможных общегосударственных перестроениях. Это требует отдельного расследования и большой откровенности от участников, на что трудно рассчитывать.

Очень многие благодарны Михаилу Сергеевичу Горбачёву за сделанное им в общественной жизни.

Но реформы экономики не состоялись в период, когда можно было попробовать сделать самые трудные шаги.

Конечно, спустя сорок лет намного яснее, почему начинать следовало тогда (то есть в 1987-м или 1990-м, на худой конец), почему это было так трудно и почему шансы на успех были не слишком высоки. Шанс на мягкий (но конгруэнтный) переход к рынку и более демократическому обществу был невелик и – думаю – только для большинства республик вместе. Но он не реализовался.

Конгруэнтность трансформации – или некоторое соответствие между изменениями (направление, размер шага, координация) в экономике, социальной структуре, собственности на активы и институциональной системе (это много больше, чем набор законов) не ставилась как цель. Её не считали необходимой и к ней вообще не стремились. Да и теперь анализ прошлого чаще всего идёт разрозненно, по интересам – особенно теми, кому есть что защищать в жизни или в памяти. В августе 1990 г. опасность ситуации для страны была уже понятна, но многие меры оказывались либо неадекватными изначально, либо неудачными в долгосрочном плане. Гласность вдохновила, а вот с перестройкой экономической системы в СССР не получилось.

Автор: Леонид Григорьев, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Сорок лет спустя: личность и история. Часть I

«Человечество не может обойтись без идеализма, но в мире, где доминирует реализм, достичь идеалистических целей, вероятно, можно только средствами, глубоко укоренёнными в реальности».

Подробнее

СНОСКИ

[1] Григорьев Л.М. Циклическое накопление капитала (на примере нефинансовых корпораций США). М.: Наука, 1988. 202 с.

[2] Григорьев Л.М. Процесс централизации капитала. В кн.: Л.Л. Любимов (Ред.), Государственно-монополистический капитализм США: монополистический капитал. М.: Наука, 1989. С. 42–60.

[3] Гребнев Л.С. Советская экономика: вид из Госплана СССР 1970–1980-х годов. В кн.: В.С. Автономов, О.И. Ананьин, И.А. Болдырев и др. (Ред.), Истоки: экономика – «мрачная наука»? М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. С. 513, 530.

[4] 7 мая 1985 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма и искоренению самогоноварения».

[5] Tornton M. Alcohol Prohibition Was a Failure. Policy Analysis No. 157 // Cato Institute. 17.07.1991. URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/alcohol-prohibition-was-failure> (дата обращения: 02.02.2025).

[6] Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Кулаева Н.М.-А., Музыченко Е.Э. Экономика Грузии: хрупкая устойчивость роста // Вопросы экономики. 2019. No. 10. С. 64–84.

[7] Григорьев Л.М., Салихов М.Р. ГУАМ – пятнадцать лет спустя. М.: Регнум, 2007. 200 с.

[8] Григорьев Л.М. Экономика развитых капиталистических стран // ЭКО. 1987. No. 11. С. 149–150.

[9] См.: Григорьев Л.М. К единому мировому хозяйству. М.: Правда, 1990; Его же. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М.: Правда, 1990; Его же. Приложение к «МЭиМО». М.: Правда, 1990.

[10] Григорьев Л., Корчагина О., Иванова О. Экономика СССР: новая фаза кризиса // Тенденции мирового экономического развития. Приложение к «МЭиМО». Август 1991. С. 137–144.

[11] Grigoriev L. Soviets Need a Unified Free Economy // The New York Times. 12.09.1991. URL: <https://www.nytimes.com/1991/09/12/opinion/soviets-need-a-unified-free-economy.html> (дата обращения: 02.02.2025).

[12] Григорьев Л.М. 500 дней на революцию сознания? // ЭКО. 2010. No. 10. С. 6–19.

[13] Григорьев Л. До упаду. Возможно ли приостановить полёт в экономическую пропасть? // Московские Новости. 14.04.1991.

[14] Валентин Павлов: «Отойти от края пропасти – доспорить можно потом» // Огонёк. 1991. No. 17.

[15] Yasin E. et al. REFORMS A-LA GAIDAR – 500 DAYS AFTER. М.: Expert Institute, 1993; Ясин Е.Г. Реформа по Гайдару. Интервью // Россия. 7–13 апреля 1993 г.

[16] Григорьев Л.М. Приватизация. Методы продажи, доходы и коррупция (1992) / Л.М. Григорьев // Экономика переходных процессов. Т. 1. М.: ОГИ, 2010. С. 434–443.

**#михаил горбачёв #перестройка
#финансовый кризис #экономика**